

5.4. Пропаганда и демократия

Необходимость пропаганды в демократическом обществе

С этим можно поспорить, но, вне всякого сомнения, это так: в ситуации, в которой сегодня оказалась демократия, ей не обойтись без пропаганды.⁴³ Надо признать, что пропаганда, та, что ведется не от имени государства, а в частном секторе, неразрывно связана с демократией. Исторически сложилось так, что там, где устанавливается демократический режим, под разными формами появляется и пропаганда. Этого невозможно избежать, так как демократия по природе своей предполагает обращение к общественному мнению в условиях конкуренции между разными партиями. Эти политические партии, чтобы добраться до власти, вынуждены в поисках избирателя использовать пропаганду⁴⁴.

Напомним также о том, что массы, призванные вершить историю именно благодаря установлению демократических порядков, управляемы и направляемы с помощью пропаганды. Именно так власть защищает себя от посягательств со стороны частных интересов и антидемократических партий. Этот факт достоин того, чтобы подробно проанализировать, почему осуществляемая с широчайшим размахом современная пропаганда обязана своим возникновением и своим существованием демократическому строю. Во время войны 1914 года впервые в политических целях были использованы рекламные возможности СМИ, а также наблюдались попытки найти более эффективные методы психологического воздействия: на фоне весьма посредственных средств влияния на массы со стороны Германии, методы, используемые французской, английской и американской сторонами, стали мощным стимулом развития пропаганды. Следует добавить к этому ленинскую пропаганду, бесспорно демократическую на первых этапах, которая внесла свой заметный вклад, доведя практически до совершенства технологии работы с населением. Итак, вопреки тому, что некоторые пытаются утверждать, вовсе не авторитарные режимы в первую очередь заинтересованы в подобных методах управления массами, хотя, конечно, со временем и они прибегли к подобной практике, буквально не зная меры⁴⁵. Это утверждение заставляет задуматься о том, какое отношение к демократии имеет пропаганда в наше время.

Совершенно очевидно, что между процедурами пропаганды и основными принципами демократии — особенно в том, что касается концепции человека, наблюдается явное

противоречие. Понятие «человек разумный» с точки зрения демократии подразумевает, что он существует, подчиняясь рассудочной деятельности, умеет владеть своими страстями и познает мир в опоре на научные доказательства, способен делать свободный выбор между добром и злом, но как же все это связать с тайными техниками обработки сознания, внушением мифов, обращением к подсознательным инстинктам, иррациональному поведению и прочими технологиями, широко используемыми пропагандой?

Тем не менее, это легко объяснимо, если забыть о священных принципах демократии и спуститься до уровня необходимости, продиктованной текущей ситуацией. Даже если мы до сих пор говорили о том, как внутри демократического государства действует одна, или несколько, или много разных пропаганд, что совершенно естественно и даже необходимо, и нисколько не противоречит существующему демократическому строю, то совершенно непонятно, зачем пропаганда во внешних отношениях. Здесь ситуация в корне иная. Логика подсказывает, что демократическое государство должно выставлять себя напоказ в качестве глашатая общественного мнения от имени всей нации, объединенной демократической идеей, и делать вид, что народ сплочен в едином порыве демонстрируя верность идее, а это довольно затруднительно, так как не соответствует достоверному образу демократического государства. Кроме того, есть свидетельства, что имеет место постоянное идейное противостояние, если не сказать война. С тех пор, как некоторые государства провозгласили себя демократическими, войны возникают то тут, то там, и тому есть множество примеров, но объяснить этот факт очень трудно. А еще сложнее доказать, что эти режимы предпринимают усилия, чтобы установить прочный мир, и вовсе не готовятся к войне. Я слышу возражения, дескать, экономические и социальные условия диктуют демократиям эту необходимость, провоцируют их на постоянные и разного рода конфликты, что сами по себе они вполне миролюбивы и органически благопристойны, их к этому *volens nolens* вынуждают злые силы, они и так с трудом приспособляются к условиям холодной войны, идущей пока еще на уровне психологического противостояния.

Есть еще один фактор, неумолимо подталкивающий демократию к использованию пропаганды, а именно: инертность некоторых установок демократической теории.

Неуклонная вера во всепобеждающую силу истины связана с верой в силу прогресса и составляет часть этой идеологии. Демократии живут в твердой уверенности, что даже если на какое-то время истину можно прикрыть, завуалировать, спрятать, в конечном итоге она все равно восторжествует, ибо истина несет в себе взрывную силу и способна распространяться вокруг сама по себе, что даже если ей, как и хорошему вину, нужно время, чтобы созреть, то все равно все закончится тем, что ложь будет повержена и правда восторжествует. Следует подчеркнуть, что речь идет об истине в идеологическом смысле, а это всегда чревато тем, что именно она определяет ход истории, потому она умеет навязать себя истории. В этом представлении есть зачатки здравого смысла, но оно представляло собой (и так будет всегда) полную противоположность очень распространенной сегодня точки зрения, порожденной, кстати, марксистской идеологией, о том, что история и есть правда. Доказательство на основании исторического факта сегодня признается как главное доказательство. Тот, кому удалось оправдаться перед историей, тот и прав. Но что такое «оправдаться», когда мы говорим об истории? Значит ли это победить, выжить, одержать верх, доказать свою силу? Если перенести ситуацию в сегодняшний день: тот, кто

оказывается эффективнее других, значит, тот и является носителем истины. Истина сама по себе не обладает содержанием, она приобретает его по мере того, как история ее наполняет действием. Истина обретает реальные очертания, когда история очерчивает ее контур. Мы легко можем видеть отношения между этими двумя позициями, а также насколько просто перейти от одной — к другой (каким бы опасным ни был такой переход), так как, если верно утверждение о том, что истина обладает имманентно присущей ей силой побеждать, не случайно ведь говорят, что истина восторжествует несмотря ни на что, а значит, верно и обратное: то, что торжествует и празднует победу, то и есть истина. Но, — и это надо иметь в виду, так как именно здесь кроется роковое заблуждение, последствия этих двух позиций совершенно противоположны!

Представление о том, что демократия непременно победит, так как она и есть истина, - приводит к тому, что возникает непогрешимое убеждение, что достаточно просто быть демократичным, и все устроится само собой, что в недрах режимов, угнетающих свободу народов, зародится и расцветет пышным цветом идея демократии, надо только немного подождать, свято веря при этом в торжество человеческого разума. В какое искреннее изумление, граничащее со ступором, каждый раз впадают демократы, особенно англо-саксонские, когда замечают, что человеческий разум выбирает иной путь и что ход истории непредсказуем. Лучше всего в такой ситуации подходит оправдание типа: «Это потому, что они не были знакомы с демократической реальностью, поэтому они и выбрали не то, что полагалось». Даже здесь мы наблюдаем святую веру в непогрешимость истины. Как же можно не замечать очевидное! Мы, разумеется, не пытаемся сформулировать всеобщий закон об истине, нам достаточно отречься от признания всеобщим утверждения о том, что истина всегда торжествует просто потому, что она — истина. Хотя мы не исключаем, конечно, что в определенные исторические периоды или по отношению к определенным истинам это работает. Мы не хотим обобщать то, что не подлежит обобщению. История доказывает, что даже настоящая истина может быть так ловко закамуфлирована, что ее почти не видно, а в некоторые исторические периоды самая наглая ложь приобретает невообразимую силу и власть, как будто она и есть истина.

Но даже если так иногда случается, что истина торжествует, делает ли она это сама, без посторонней помощи? Помните вечные истины, которые Антигона взялась защищать перед Креонтом? Осталась бы в истории ее победа, не оказалась под рукой Софокла?!

В настоящее время уверенность в том, что демократия — лучшее, что могло произойти с человечеством, или, по крайней мере, попытки своим примером всех в этом убедить сталкиваются с пропагандой, которая не использует ее пример в качестве доказательства, а действует совсем другими методами. Однако современные люди, похоже, теперь воспринимают за реальность только те факты и доказательства, которые им предоставляет пропаганда. Теперь только она, зная все признаки, симптомы и характеристики истины, в состоянии ее разработать, изложить и в таком виде предложить человечеству.

Ничто, кроме пропаганды в глазах современного человека не в силах сотворить истины, что означает, что истина без пропаганды уже не имеет ни силы, ни влияния, ни смысла, ни права на существование. Безусловно, это — вызов демократиям исключительной важности, так как, утратив веру в истину как таковую, они обращаются к методам самой обычной

пропаганды. Без этой веры, если учесть тенденции современной цивилизации, демократические народы проиграют войну, идущую в этом направлении.

Демократическая пропаганда

Убедившись в необходимости использовать эти средства и досконально изучив вопрос, мы обнаружили следующее: тоталитарные государства пошли по этому пути и стали использовать пропаганду во внутренней политике с целью добиться единства народа и единодушного одобрения решений власти, манипулируя общественным мнением; во внешней политике пропаганда нужна, чтобы вести холодную войну, разобщить общественное мнение в стране, воспринимаемой в качестве врага, обработать ее народ психологически, чтобы он стал легкой добычей для последующей пропаганды. Но если доказано, что этот инструмент используют прежде всего тоталитарные и авторитарные режимы, если верно так же и то, что демократические государства, чья структура тоже приспособлена для использования пропаганды, но они, тем не менее, этим не занимаются, возникает вопрос: могут ли сейчас демократические режимы все-таки позволить себе применять ее методы? Я слышу некоторые возражения на этот счет: пропаганда авторитарных режимов имеет некие особенности, проистекающие из-за характера этих самых режимов. Может, стоит наделить демократическую пропаганду другими особенностями и тогда уже взять ее на вооружение? Существует ли особая демократическая пропаганда?

Оставим в стороне вопрос, касающийся содержания, так как простая замена одного содержания на другое не делает пропаганду иной. «Как только пропаганда начнет распространять демократические идеи, она станет хорошей пропагандой: так как плохая пропаганда — это та, которая используется диктаторским режимом» - такая позиция — чистой воды идеализм или демагогия. Она не учитывает главного постулата современного мира: примат средств над целями. Тем не менее, следует подчеркнуть, и это — тема отдельного размышления, что демократия сама по себе не самый лучший «объект» для пропаганды. Практически все попытки распространить демократию пропагандистскими методами провалились. Но чтобы сделать из нее нечто пригодное для распространения, пришлось бы прибегнуть к глубочайшей трансформации самой демократической идеи, но ничего этого нет и в помине.

Мы склонны придерживаться следующего мнения: «Как только демократия начинает пользоваться этим инструментом, пропаганда становится демократической». Возможно, эта идея не всегда формулируется так примитивно и прямолинейно, но у многих американских авторов эта мысль присутствует как бы сама собой. Ничто не может навредить демократии, более того, все, к чему она прикасается, тут же приобретает демократический характер. Важно иметь в виду этот предрассудок, если мы хотим понять принцип мифотворчества американской демократии и попытки народных демократий взять ее на вооружение.

Подобная позиция настолько банальна и так далека от настоящих проблем, что не хочется тратить время на ее обсуждение.

Она, впрочем, присуща некоторым эссеистам и журналистам, но только не тем, кто глубоко погружен в проблему и серьезно изучает структуру этого инструмента и последствия его применения. Среди последних встречаются такие, которые убеждены, что есть возможность создать такую систему пропаганды, которая распространяла бы демократические идеи, не нарушая принципы демократии.

Для того, чтобы использовать методы пропаганды в условиях демократического режима, следует соблюдать два требования.

Первое заключается в том, чтобы не допустить монополии на средства пропаганды, что подразумевает свободу распространения пропаганд разного толка⁴⁶. В самом деле, на фоне единообразия пропаганды относительно содержания и средств его распространения, которое характерно для авторитарных режимов, мы наблюдаем бесконечное разнообразие издательств и радиостанций в демократических странах. Не лишним будет, по-видимому, еще раз подчеркнуть этот факт, но другими словами: при отсутствии монополии государства фактически имеет место монополия частного сектора; имеется бесконечное множество издательств газет и журналов, но при этом мы знаем, как добиться концентрации посредством механизма множественности «каналов», монополии сосредоточены в новостных, рекламных и дистрибьюторских агентствах. В сфере кино и радиоканалов ситуация аналогична: конечно, мы не имеем в виду, что каждый может позволить себе иметь эти средства. Вот в США, например, есть множество радиостанций и фирм по производству кино, но большинство из них — вторичны и второсортны, они не могут соперничать с небольшим количеством крупных предприятий, и концентрация продолжается. Практически повсюду наблюдается тенденция к созданию крупных фирм, разумеется, частных, сосредоточивших в своих руках средства пропаганды. И, как мы успели заметить, демократические государства просто обязаны распространять пропаганду и чаще всего они это делают под видом информирования⁴⁷.

Если предположить, что информирование представляет собой элемент, необходимый для демократии, нужно сделать так, чтобы распространяемая от имени государства информация пользовалась доверием у населения. Иначе она утрачивает смысл. Но что же может произойти, если мощная частная фирма, занимающаяся пропагандой, будет перевирать факты и извращать информацию? Кто несет ответственность за правдивое информирование? Кому гражданин может пожаловаться в случае необходимости? В реальности именно это и представляет основную проблему. Вопрос стоит так: сможет ли власть выдержать конкуренцию с частной фирмой, обладающей такими же, если не более мощными инструментами пропаганды, если будет вести другую пропаганду? Вполне законно будет признать за ней право устранить конкурента или аннексировать его.

Слышу возмущенные возгласы: «Демократия — это свобода самовыражения; если запрещать пропаганду, значит нарушать принципы демократии!». Все правильно! Но нужно учесть, что в этом конкретном случае свободой самовыражения обладают только одна-две крупные компании, которые выражают не чье-то личное мнение и это даже не мнение большинства, а мнение группы капиталистов или какой-нибудь частной публики. Такое понимание свободы самовыражения совсем не соответствует тому, что вкладывали в это понятие век тому назад. Еще надо иметь в виду, что свобода самовыражения у оратора,

который обращается с трибуны к небольшой аудитории, совсем не та свобода, что у того, кто является собственником всех радиоточек по всей стране. Добавим к этому, что наука пропаганды придает этому средству распространения информации необычайную, можно сказать шоковую силу воздействия, о которой непосвященный и понятия не имеет.

Этой же теме посвящено блестящее исследование Риверо⁴⁸, вскрывающее огромную разницу в этом плане между XIX и XX веком: «В XIX веке проблема формирования мнения путем выражения мысли рассматривалась исключительно как проблема взаимоотношений между государством и индивидуумом и как проблема обретения свободы». А сегодня, благодаря СМИ, индивидуум, похоже, исключен из процесса... это стало противостоянием государства и оппозиционных ему влиятельных групп... С другой стороны, смысл этого выражения уже далеко не трансляция идей, это стало обработкой, формированием у публики определенной точки зрения, выгодной государству или группам влияния, сосредоточившим в своих руках технические средства... индивидуум уже не имеет к этому доступа... В соревновании за свободу самовыражения мысли он больше не принимает участия, он в этом процессе — сторонний зритель. Ему скажут, какой голос он будет иметь право услышать, какие слова станут ему доступны...

Вникнув в эти мудрые рассуждения, зададимся вопросом: что означает сегодня в демократическом обществе свобода самовыражения.

Однако, если бы государство держало в своих руках все инструменты пропаганды (а это, кстати, все больше похоже на правду по разным причинам, в том числе по политическим, экономическим, а также из-за того, что стоимость этих инструментов, телевидения, например, возрастает у нас на глазах), то именно в соответствии с принципами демократии оно бы допустило распространение всех пропаганд, выражение всех мнений. Это правда. Но при всем при этом ни в коем случае нельзя допустить распространение всех мнений подряд! Мнения нелепые, аморальные совершенно справедливо должны подвергаться цензуре. Личные мнения, а еще пуще того, некоторые аберрантные политические воззрения подлежат искоренению. «Лишить свободы врагов свободы!». Все демократии с этим согласны. Но тогда встает вопрос о критериях и о допустимой мере. Кого назначить нежелательным элементом? У кого отобрать инструменты пропаганды? У фашистов врагами были коммунисты. Последним не нравились буржуи, фашисты и космополиты. А для демократии? Очевидно, что таковыми назначат врагов демократии!

Но есть кое-что пострашнее. Во время войны все понимают, что поток информации нужно сокращать, контролировать и запрещать любую информацию, которая не соответствует национальным интересам. Устанавливается, таким образом, пропаганда, направленная на достижение единства, что естественно. Проблема, которая встает в связи с этим, такова: считать ли войной холодную войну. Такое впечатление, что демократические страны пришли к выводу, что она хоть и не представляет собой нечто исключительное, аналогичное горячей войне, но, похоже, становится постоянным и повсеместным явлением⁴⁹.

Этому есть множество доказательств. Я приведу лишь одно, имеющее непосредственное отношение к пропаганде: пропаганда, направленная во вне, является орудием ведения войны. Это не зависит от воли тех, кто ее использует, не зависит также и от какой-либо

доктрины, это естественно вытекает из ее свойств. Но пропаганда сегодня имеет такую мощную силу психического воздействия и трансформации сознания человека, способна так глубоко повлиять на поведение, что она непременно начинает использоваться правительством в качестве орудия войны, направленного в сторону противника. С этого момента простое применение пропаганды свидетельствует о наличии противостояния между сторонами конфликта. И этот конфликт нельзя считать менее острым, чем вооруженное противостояние. А это неизбежно приводит к последствиям, как и во время военных действий, а именно — пропаганда должна быть направлена на достижение единства мнений, на единообразие позиций. Все демократические государства в такой ситуации должны сплотиться и выступить единым фронтом, и, похоже, им от этого не уйти.

Есть другое свойство демократической пропаганды, заключающееся в том, что она должна соответствовать определенным нормам. Она должна быть «рассудительной», а не «безрассудной»⁵⁰, должна обращаться к рассудку, но не к эмоциям⁵¹.

Вот почему демократическая пропаганда должна быть достоверной. Она должна говорить только правду и опираться только на достоверные факты. И мы видим, что у американцев это так и есть. И информация, и пропаганда там соответствуют действительности. Но такая позиция, как мне кажется, не есть следствие именно демократического подхода. Формула, согласно которой американцы объясняют свою позицию, такова: «За правду хорошо платят», а это значит, что пропаганда, основанная на реальных фактах, более эффективна, чем какая-нибудь другая. Кстати, знаменитое изречение Гитлера о лжи, вовсе не типичная черта пропаганды. Прослеживается общая тенденция к тому, чтобы откровенную ложь, как и фальсификацию, употреблять все реже и реже. Мы об этом уже говорили: ссылки на достоверные события становятся все правилом.

Напротив, особенностью истинно демократической пропаганды становятся отточенные нюансы, мягкость в изложении событий, гибкость формулировок. Главным становится уважение к личности человека, возможно на бессознательном уровне, но безусловно позитивно; самые коварные демократы, приверженцы макиавеллевских методов, аккуратно работают со своей аудиторией, с почтением относятся к ее убеждениям, не выказывают к ней явное презрение.

Еще не исчезли традиции уважать человека, и это имеет такие последствия: прежде всего, ограничения пропаганды. Демократические государства не злоупотребляют пропагандой и прибегают к этому сильному средству только тогда, когда их к этому подталкивают обстоятельства. Как только эти обстоятельства прекращают свое действие, заканчивается и пропаганда. Так традиционно происходило после войны. Если пропаганда частная, она же внутренняя, обычно не прекращается, то пропаганда от имени государства, она же внешняя, ведется от случая к случаю. Эта последняя, кроме того, не стремится вторгнуться во все сферы жизни человека, не претендует на то, чтобы управлять его поведением и подчинить себе личность целиком. Следует отметить еще одну черту такой пропаганды, которая заключается в том, что она берет во внимание любую точку зрения, и за, и против. Такое отношение похоже на университетскую позицию: не существует истины в последней инстанции, надо уметь признавать за собеседником право на собственное суждение, свое понимание справедливости, право рассуждать по-своему. Тут как раз есть место нюансам.

Строго говоря, нет четкой границы и единого толкования, - кроме военного времени, разумеется, - между тем, что есть Добро, а что есть Зло.

Следует сказать вот еще о чем: пропагандист или демократическое государство, использующие практику пропаганды, почти всегда испытывают из-за этого угрызения совести. Старая добрая демократическая совесть все еще смущается, словно стесняется прибегать к этому средству, как будто в этом есть что-то противозаконное. Следовательно, чтобы пропагандист от демократии взялся за это дело, нужно, чтобы он сам в это верил, это означает, чтобы заставить других в это поверить, он должен говорить от сердца, т.е. формулировать свои собственные убеждения.

Ласуэлл предложил другие основания, чтобы отличать демократическую пропаганду от авторитарной, основанные на самой технике ее применения, проводя грань между такими способами как «побуждение контрастное» (против воли) и «побуждение позитивное» (поощрительное). Первое состоит в том, чтобы экспериментатор или начальство провоцировал людей на действие, в котором сама власть не принимает участия. Согласно Ласуэллу, такого рода пропаганда характерна для деспотических режимов. Напротив, позитивное побуждение, символом которого может служить братская поддержка, дружески протянутая рука, означает то, что сама власть действительно желает, всего лишь подтолкнуть массы к действию, типа своего рода общинного мероприятия. Такое различие, если иметь в виду общий подход и не вдаваться в детали, можно считать абсолютно верным.

Так с позиций сегодняшнего дня выглядит обобщенная ситуация с пропагандой в демократических странах в отличие от той, что имеет место при авторитарных и автократических режимах: единственное, о чем следовало бы серьезно задуматься, так это — о результативности подобной деятельности: все, что мы сказали выше о демократической пропаганде, абсолютно неэффективно. Так и есть! Пока мы с уважением относимся к внутреннему миру индивидуума, мы не позволяем пропаганде глубоко внедряться в его сознание, а ведь это, безусловно, является основной целью любой пропаганды: заставить действовать, минуя стадию рефлексии. Пока мы сохраняем нюансы, мы проходим мимо основного закона в этой области: любое утверждение должно быть категоричным и не подлежать сомнению. Пока мы применяем частичный подход, мы не можем использовать мистику, а для успешной пропаганды это необходимо. Пока пропагандист от демократии мучается угрызениями совести, он не может хорошо делать свою работу, и, кстати, пока он верит в собственные слова — тоже. Что же касается обнаруженного Ласуэллом различий между пропагандами, то техника ее применения требует чередования то одного, то другого подхода, в зависимости от обстоятельств, одно другого не исключает. И в любом случае, пропаганда всегда приводит к образованию пропасти между властью и массами, здесь речь о том же разделении, которое мы подробно изучили и описали в книге о Технике пропаганды: оно возникает вследствие применения любой технологии, в результате чего образуется своего рода техническая элита и появляются изменения в структуре общества.

Согласно выводам Ласуэлла, пропаганда, основанная на принудительном внедрении в общественное сознание каких-либо идей, свойственна деспотии ... хотя мы бы скорее назвали это аристократией. Но именно этой формации соответствует знаменитая «массовая

демократия». В конце концов (даже если всеми силами пытаться сохранить характерные для общинного стиля доверительные отношения между правителем и его паствой), любая пропаганда сводится к тому, чтобы стать в руках власти орудием управления массами.

Настоящий пропагандист должен быть также холоден, точен, пронизателен и строг, как хирург. Есть субъект, а есть объект. Пропагандист, верящий в то, что он говорит, увлеченный собственной пропагандой, имеет ту же слабость, что и хирург, оперирующий близкого и любимого человека, или судья, которому предстоит выносить приговор в отношении члена своей семьи. Сегодня нужно иметь расчетливый ум ученого, чтобы заниматься этим делом. Эту слабость можно заметить в последние годы гитлеровской пропаганды: начиная с 1943 года, Геббельс, похоже, уверовал в то, о чем говорил. Это заметно по содержанию его речей.

Так и тут: вера в кое-какие базовые принципы демократии парализует пропаганду. С этого момента пропаганда перестает быть «демократической». Она становится неэффективной, посредственной, убогой. То же суждение мы относим к разнообразию пропаганд: стоит допустить распространение пропаганд разного толка, как тут же все они становятся неэффективными относительно поставленных целей. Немного позже мы проанализируем, к чему приводит отсутствие эффекта пропагандистского воздействия на человека демократического общества. Здесь же ограничимся утверждением, что тоталитарная пропаганда намного опередила наше общество в плане эффективности своей пропаганды. Это означает, что наша — не выполняет своего предназначения. Если уж участвовать в соревновании двух систем, о котором мы раньше упомянули, надо догнать и обогнать, т.е. повысить эффективность демократической пропаганды. А для этого надо отказаться от некоторых характерных для демократии свойств пропаганды, парализующих ее работу: как показывает практика, оказывается совершенно несовместимым сочетание высокой эффективности и уважения к человеку⁵².

Наконец, есть еще один заключительный пункт, на котором, впрочем, мы не настаиваем. Дрианкур обнаружил, что тоталитарная по природе своей пропаганда, на самом деле не является частью именно тоталитарного строя, она такова, потому что имеет тенденцию все поглощать. И так как это доказательство — лучшее, что есть в его исследовании, мы к нему еще вернемся⁵³. Это означает, что если уж идти по пути пропаганды, то нельзя останавливаться на полпути: то есть следует использовать все инструменты и все методы, которые делают пропаганду эффективной. Нужно стремиться к тому (и практика последнего десятилетия показывает, что так оно и есть), чтобы демократические страны отложили в сторону свои привычки оберегать внутренний мир человека, соблюдать верность нюансировкам, и отважились на эффективную пропаганду в прямом смысле этого слова. Правда, с этого времени она больше не будет иметь демократический характер.

Теперь нам следует исследовать, каковы будут последствия применения такой пропаганды для демократии: чтобы их рассмотреть, следует различать пропаганду, предназначенную для использования во внешней среде, и пропаганду для внутреннего потребления. Неверно будет остаться в заблуждении, что пропаганда — инструмент исключительно нейтральный, что можно им пользоваться, не испытывая на себе его влияние, не подвергаясь в связи с этим каким-то неприятным изменениям. Она подобна радиации, а мы все знаем, что

происходит с теми, кто ее изучает.

Пропаганда как часть внешней ПОЛИТИКИ

Из множества видов разной пропаганды, направленных во внешнюю среду, практически не встречается частной пропаганды. В сфере внешней политики ее просто не может быть. Даже партии, руководимые извне, разворачивающие деятельность на территории иностранного государства и ведущие пропаганду отличную от той, что проводит национальное правительство, предпринимают активность внутри этого государства. Но эта странная пропаганда, какими бы методами она не велась, какое влияние оказывает она на демократию? Разве что, представляет собой еще один дополнительный источник информации?⁵⁴

У нас есть достаточно доказательств того, что простая информация, исходящая из иностранного источника, абсолютно бесполезна⁵⁵. Допустим, речь о том, чтобы посеять взаимную антипатию (которая существует даже между дружественными народами), если пропаганда против существующих порядков, неважно, в прошлом или в наши дни, исходит от чужого государства (а уж тем более, от физически и исторически чужеродного мира), какой бы ни была информация, не стоит напрасно надеяться, что она подействует: приведенные факты (даже если это правда!) ничего не могут против этих барьеров. Без исключений (кроме случаев, когда во время иностранной оккупации в стране а priori существует сильная оппозиция своему правительству, организованная иностранным государством: например, коммунистические партии или пропаганда ФНО (Фронта Национального Освобождения) во Франции во время военных действий в Алжире) люди скорее поверят тому, что говорит свое государство, чем иностранное. Предоставленные факты не смогут подорвать доверие народа своему правительству. На самом деле, если пропаганда действительно хочет проникнуть в сознание масс, она может сделать это только с помощью мифов. Она не может опереться на предшествующий опыт, не может предложить достоверные аргументы «за» или «против», не может вызвать ранее испытанные чувства, ей остается только создавать новый действенный образ, наполненный новыми переживаниями, действующий на эмоциональную сферу, чтобы заставить человека слепо верить и без раздумий приступить к действию, а это и есть миф.

Но встав на этот путь, демократия должна все взвесить. Прежде всего, следует осознать, что для того, чтобы добиться результата, придется отучить человека от привычки думать своей головой и прислушиваться к совести, т.к. следует направить его по иррациональному пути, предоставить его «темным силам», а в этой игре он сам себе не хозяин, и что стоит выпустить эти силы наружу, как их потом не унять, иначе говоря, пропаганда на основе мифа о демократии вовсе не подготавливает человека к принятию демократии, а усиливает в нем стремление к тоталитаризму, впрочем, это стремление проявляется в нем по-разному. Мы к этому еще вернемся. А здесь и сейчас имеет смысл спросить себя, чему же посвятить этот миф, пропагандируя идею о демократии. Опыт подсказывает, что наиболее часто

демократии используют миф о Мире, миф о Свободе, миф о Правах и т.д.

Сейчас эти слова немного поднадоели, но они незаменимы, поэтому используются до сих пор. Иначе говоря, мифы, используемые пропагандой, должны быть особенными, как когда-то миф о Родных Пенатах. А что особенного может найти в демократии? Разве что вещи, которые никак не могут стать основой для мифа (благополучие, например, или право голоса) даже сама по себе демократия.

Вопреки тому, что можно предположить, демократические мифы себя еще далеко не исчерпали и могут стать прекрасным материалом для пропагандистского влияния. Если уж авторитарные коммунистические режимы выбрали демократию как трамплин для своей пропаганды, значит не такой это пустой звук. С этой точки зрения, когда демократия подретуширована, подкрашена и представлена в виде мифа, она вполне подойдет в качестве объекта для пропаганды. Она обращается к вере, представляет собой стремление к Потерянному Раю, опирается на глубинные страхи. Вот только в таком виде демократия в виде пропаганды имеет шанс проникнуть в иностранные недемократические государства. Но в таком случае необходимо быть готовым принять ее последствия.

Первое из них: процедура, согласно которой демократия превращается в миф, превращает в миф и демократический идеал. Это, кстати, подтверждает наши слова о том, что демократия не предназначена для мифотворчества. Вопрос об этом встал очень рано: в 1791 г. во Франции. И мы помним, во что очень скоро якобинцы превратили демократию. Нужно с этим согласиться, в конце концов. Да, якобинцы спасли нацию, но когда нас пытаются уверить, что они же спасли республику, становится очевидным, что якобинцы спасли свою власть, разрушив до основания то, что имело хоть какое-то отношение к демократии. У нас нет возможности здесь долго исследовать, как повлияло создание мифа о демократии на разрушение демократии в период между 1793 и 1795 годом, но ясно одно: демократия не может стать предметом веры или призвания, так как ее суть — высказывание суждений. Между режимом, основанным на вере, и режимом, основанным на убеждениях, лежит огромная пропасть.

Делать из демократии миф означает, представлять нечто ей противоположенное. Нужно очень внимательно относиться к использованию старых мифов и созданию новых. Некоторые считают, что это — регресс, возврат к примитивному мышлению. Ошибочно думать, что материальный прогресс и институционализация общества уберегут нас от такого регресса. У нас перед глазами есть достойный пример: примитивное мышление на фоне высочайшего материального прогресса. Пробуждение мистических настроений и веры в сказку сопровождается невосприимчивостью к демократии. Среди проблем в США не самая маленькая стоит в том, что встают из небытия и основываются на старых мифах: их воплощением являются Ку-Клукс-Клан, Американский Легион и Святой Отец (случайная выборка, на самом деле их больше). Эти явления, по сути, антидемократические. Их не много, они не бросаются в глаза, о них не принято говорить, но они есть. Опасность возрастает, когда миф утверждается официально и распространяется на все общество, когда тот, кто против мистики, сам становится объектом мистификации.

Разумеется, мы тут рассуждаем о мифотворчестве в расчёте на внешнего пользователя. В сознание народов, находящихся под влиянием пропаганды, может проникнуть только миф, он не изменит их поведение и не повлияет на способ мышления, он просто волеет новое содержание в уже существующую форму. Но рассчитывая, что события будут развиваться именно в этом направлении, значит учитывать их последствия.

Во-первых, надо признать, что такого рода пропаганда представляет собой настоящее оружие, что речь идет о психологической войне, что отныне наш оппонент является нашим врагом и что народ, к которому мы применяем нашу пропаганду, больше не является тем народом, который мы хотим видеть демократическим, но тем, кого мы хотим завоевать. Если мы в самом деле будем влиять на этот народ с помощью мифов, мы сформируем такое отношение и укрепим представления об антидемократической жизни: мы не подвигнем его стать демократическим народом, так как с одной стороны мы тем самым подтолкнем к действиям авторитарное правительство, а с другой — не сможем, действуя таким образом, возбудить в нем желание что-то поменять в своей жизни: на самом деле это будет аналогично тому, как если бы ему предложили сменить одно правительство на другое. Разве этого достаточно, чтобы повлиять на его преданность существующему строю? Вот в этом, собственно, основная проблема пропаганды в Германии и Японии.

Проблема второго порядка заключается в том, что мы рассматриваем демократию как абстрактное явление: если мы считаем, что достаточно влить в подготовленную для пропаганды форму иное содержание, чтобы изменить направление пропаганды, это значит, что мы воспринимаем пропаганду как теорию, как некое учение. На самом деле пропаганда, каким бы ни было ее содержание и направление, стремится изменить психологию человека, деформировать его мировоззрение, подчинить его волю. Психика и мировоззрение по сути явления одного порядка, если рассматривать их как объект для пропаганды. На первый взгляд, всего лишь модальность высказывания создает ложное впечатление, что это разные вещи. Возьмем, к примеру, фашистскую пропаганду, модальностью которой служило государство, и нацистскую пропаганду, предметом которой была раса: сказать, что вследствие разной модальности это была разная пропаганда, означает стать жертвой университетского подхода к выявлению различий между различиями. Точно также распространять «демократическую идею» средствами, которые по сути своей не соответствуют демократическим принципам, означает укреплять в сознании тоталитарного человека веру в его ложные представления.

С другой стороны, не стоит считать, что оформление в демократическом духе или миф о том, что «демократия есть объект», не имеют право на существование: один из основных законов пропаганды гласит: «объект пропаганды всегда стремится слиться со своей формой». В этой области, как и во многих других сферах современного мира, средство ведет за собой закон. Иначе говоря, объект стремится стать всеобщим, так как пропаганда сама по себе всеобща, тоталитарна. Заметим в скобках, что это не входит в противоречие с тем, о чем мы говорили ранее, а именно о том, что из демократии можно сделать миф.

Таким образом, пропаганда может стать эффективным инструментом ведения войны, но нельзя забывать при этом, что если мы используем ее в таком виде, то больше не сможем вернуться к демократическим нормам и правилам.

Мы говорили о том, что пропаганда такого рода направлена во вне, что мифы предназначены для внешнего использования; но нет уверенности в том, что это ограничение справедливо во всех случаях. Когда власть создает такое видение демократии, нет возможности отделить форму от внутреннего содержания: четкая граница не соответствует самой демократической идее и еще меньше вписывается в демократическую систему. Таким образом, население должно согласиться с тем, что демократия — это благо, и не просто познакомиться с идеей, но искренне в нее поверить. Это, кстати, создаст барьеры для распространения лживой пропаганды, демократическая власть не сможет представить для обозрения картинку, сильно отличающуюся от реальности, извращенное представление, в то время как авторитарная власть только этим и занимается.

Стоит попытаться смоделировать такое противостояние двумя способами: с одной стороны население демократических стран, само находящееся в определенной степени во власти пропаганды, соглашается с представленной властью идеалистической картиной из патриотических настроений, с другой стороны, власти авторитарных государств, как мы уже говорили, начинают понимать, что правдивая пропаганда окупается; отсюда — последний этап пропаганды Геббельса, начавшейся с 1944 г.

С этого момента в миф, предназначенный для внешнего использования, начинают верить и внутри страны, и обе картинки сливаются в одну, поэтому если даже власть не стремится воздействовать на свое население этой пропагандой, влияние все равно происходит, пусть опосредованно. Мы планируем изучить влияние этого мифа, разработанного для пропаганды во внешней среде, на демократическое население внутри страны, по всей вероятности оно не может не привести к сплочению нации и, однозначно, не способствует формированию единомыслия.

Так выглядит первое из последствий, легко предсказуемое, с которым сталкивается власть, использующая демократическую пропаганду. Миф (картинка, приводящая к убеждению) не должен показывать оттенки, запрещает полумеры и тем более не допускает противоречий. Либо в него верят, либо отрицают целиком. Миф о демократии должен во всем соответствовать этой структуре, должен восприниматься однозначно и не вызывать сомнений, ведь по природе своей он такой же, как и любой другой миф. Чтобы во внешней среде в миф поверили безоговорочно, то и внутри демократического общества никто не имеет права в нем сомневаться. Нельзя, чтобы из недр демократии другой голос, направленный во вне, пытался его разрушить.

Разве можно представить себе, что пропаганда добьется поставленной цели, например в Алжире, если она противоречит сама себе: будет ли кто-либо, во Франции, в Алжире или где-нибудь еще, всерьез относиться к обещаниям де Голля, произнесенным им от имени Франции, если тут же в некоторых французских газетах появляются статьи о том, что Франция не согласна с позицией своего Президента, или интерпретируют их неправильно. Такие разногласия вносят раскол и разрушают возможность достичь соглашения. Даже, если ФНО (Фронт Национального Освобождения) «знает», что это так, зачем об этом говорить?56

Это приведет к тому, что придется искоренить оппозицию, которая обнаружит, что народ не так уж единодушно принимает демократию в том виде, в котором ее насаждает власть. Это как раз то, что может полностью разрушить эффект пропаганды. Кроме того, это делается властью в расчете на большинство. Меньшинство, каким бы демократическим оно ни было, будет стараться противостоять такой пропаганде, именно потому, что она идет от власти. Так было во Франции, начиная с 1945 г., когда меньшинство, даже будучи согласным в принципе с понятием демократии, выступало против мифа о демократии. В подобных случаях власть, если она хочет сохранить эффективность пропаганды, не должна позволить меньшинству выражать свое мнение; но не означает ли это, что таким образом она посягает на то, что считается главным признаком демократии; мы уже говорили о том, что такого рода посягательства в виде цензуры, например, случаются во время войны. И здесь мы имеем дело с явлением, о котором предупреждали выше: факт пропаганды сам по себе свидетельствует о состоянии войны, а она требует единства народа, которого можно и нужно добиться искусственно: исключить возможность хоть какой-то оппозиции и запретить меньшинству выражать свое мнение, лучше повсеместно и официальными методами, а если не получится, то хотя бы частично и окольным путем.

Двигаясь в этом направлении, мы сталкиваемся с проблемой: чтобы миф был правдоподобен, он должен опираться на народные предания, иначе говоря, нельзя просто предложить какую-нибудь легенду, даже если распространять ее мощными современными средствами: в этот миф уверуют только в том случае, если он ляжет на ранее сформированные представления. Он станет распространяться в сознании масс, если найдет у народа отклик. Поэтому так важно, чтобы демократические народы в него тоже поверили. И, напротив, совсем необязательно, если власть будет разделять те же взгляды, ей достаточно быть уверенной в том, что пропаганда во вне и пропаганда внутри страны не противоречат одна другой, так как пропаганда в расчете на внешнего потребителя будет эффективной только в том случае, если народ внутри страны разделяет те же представления (это хорошо поняли в США между 1942 и 1945 гг.). Чем больше миф отражает верования всей нации, тем выше окажется его эффективность. Таким образом, и тут не обойтись без единомыслия.

Мы уже замечали, что пропаганда, любая пропаганда, склонна использовать культ личности⁵⁷. В демократическом обществе это проявляется с еще большей убедительностью! Так как там принято восхищаться личностью. Демократия не терпит анонимности, она отрицает «массовость» и механистический подход. Ей нравится гуманистический порядок, где люди не просто люди, а личности. И задача пропаганды предоставить ей такой образ. Она должна создать личность. Не то, чтобы речь шла об идолопоклонстве, но все равно так и будет, если пропаганда хорошо справится с делом. Неважно, кто в итоге станет предметом обожания или идолопоклонства: человек в белой униформе и красной мантии, сияющий золотом наград и украшений, человек в синей блузе рабочего с кепкой на голове или в черном с иголки костюме и фетровой шляпе. Все это дань пропаганды текущей моде и потакание чувствам Толпы. Демократическая толпа не слишком доверяет красной мантии, но с восхищением смотрит на фетровую шляпу, если она хорошо представлена. Нельзя не заподозрить пропаганду в том, что она лепит героя из политического лидера. Демократия с легкостью создает себе предмет обожания, как и любой другой режим. Клемансо, Даладьё, де Голль, Черчилль, Рузвельт, Макартур — вот

отличные тому примеры. И Хрущев прекрасно вписывается в этот ряд после того, как он развенчал культ предыдущей личности и примерил на себя образ вождя, он вошел во вкус и справился с ролью, немного иначе, но с той же легкостью, и не по своей прихоти, а подчинившись необходимости текущего момента. Ведь как-то нужно добиться единодушного одобрения от народа. Это единодушие воплощается в личности правителя, в котором каждый видит себя, на которого каждый возлагает свои надежды, поэтому ему все позволено и все по силам.

Вот это самое единодушие в народе принято за аксиому некоторыми учеными, изучавшими проблему применения пропаганды в демократическом обществе. По всей видимости этого требует переходный период от старой формы демократии к новой: «массовой и прогрессивной демократии». Иначе ее называют «демократия приверженцев», подразумевая систему, где все разделяют одни и те же убеждения. Эти убеждения не должны быть центробежными, т.е. не должны выражаться разными способами, что предполагает возможность крайнего расхождения взглядов. Напротив, убеждения должны подчиняться центростремительной силе, т.е. они должны двигаться в одном направлении и сближаться до тех пор, пока не станут однозначно похожими, без нюансов и противоречий, и даже более того: совпадут в ритуалах и станут общим гимном демократии (в полном соответствии с социальным мифом, о котором мы говорили раньше). Можно назвать это демократией соучастия, т.е. гражданин должен всей душой и всем телом разделять идеалы демократии: вся его жизнь, все поступки и мысли должны совпадать с вышеназванной системой, ему следует целиком примкнуть к вышеназванному обществу. Один из сторонников этой идеи приводит в качестве примера ... Нюрнбергский процесс ! Странный пример демократии в действии⁵⁸.

Как бы там ни было, но именно такое устройство общества, при котором оно едино и однородно, наилучшим образом подходит для распространения пропаганды внутри и для распространения ее во внешней среде. Но мы вправе спросить себя, а можно ли назвать такое общество поистине демократическим... Разве может считаться демократическим общество, где нет места ни оппозиции, ни меньшинству? Если уж демократия подразумевает, по крайней мере, противоборство партий, значит, без оппозиции никак не обойтись; но как только речь заходит о массовой демократии, где путем грандиозных и сложных мероприятий народ по приглашению власти принимает участие в управлении государством, тут же возникает смешение государства с правительством и вследствие этого можно предположить, что тот, кто воздерживается или не допущен к этому процессу, представляет собой не просто оппозицию, но он уже просто несовместим с национальным сообществом, которое в едином порыве осуществляет этот процесс. Так завершается масштабная трансформация демократической структуры, в которой уже не присутствует меньшинство, способное составить оппозицию власти, так как оно не располагает средствами пропаганды (или располагает какими-то средствами, но их недостаточно, чтобы конкурировать с теми, кто находится в распоряжении власти) и поэтому не может быть услышано.

Голос меньшинства становится все менее значимым, пока не приобретает еле слышный отголосок мифа, созданного пропагандой, и этот миф — антидемократический. Тот, кто отважится принять участие в такой форме социо-политической активности, объявляется

сектантом, согласно той самой пропаганде, назначенной по велению власти носителем истины. Стоит тысячу раз повторить этот миф, передать по разным каналам, преподнести под разным соусом, как он превращается в само собой разумеющийся и не подлежащий обсуждению факт. Человек, принадлежащий демократическому обществу, как и любой другой в этом мире, подвержен тому, что у нас принято туманно называть «психозом», т.е. как раз то, что предполагает (или умышленно насаждает) пропаганда, если она хочет быть эффективной.

Если народ не верит в мифы, они не годятся для того, чтобы стать орудием тоталитарной пропаганды. Но если народ в них верит, то он тут же становится ее легкой добычей; даже если миф демократический, ему все равно присущи те же черты, что и любому другому, и в первую очередь то, что в глазах поверивших в него, его нельзя подвергать сомнению. К чему это приводит: любое возражение, даже если оно доказуемо, объявляется ложью, ошибкой, извращенным мнением.

Как только демократия превращается в объект пропаганды, она становится тоталитарной, авторитарной и считающей себя единственно правильной, как любая диктатура.

Энтузиазм и ликование народа, поверившего в миф, неизбежные проявления сектантства и непримиримого отношения к другим идеологиям. Миф о Демократии ярче всего выразился в Конвенции, где мы замечаем все формы демократии масс, выражающиеся в любви к торжественным церемониям и в желании слиться в едином порыве, свидетельствующими о единодушии народа. Но можно ли назвать все это проявлениями демократии? Разве не наблюдается подобная патология в республиканских настроениях в США, где навешивают ярлык «Un-American» (НЕ-американское) на все, что по американским понятиям является неприличным, чуждым, разве, строго говоря, это не конформизм? Это понятие «Un-American», для нас не слишком понятное, зато там, у них, обретающий четкий смысл по мере того, как отражает общие настроения и коррелирует с мифом. Попытки создать в обществе новое верование, подтолкнуть народ к экзальтированным проявлениям единодушия, то есть как раз то самое, чем занимается пропаганда, означает на самом деле привить ему такие чувства и сформировать такие рефлексy, которые ни в коем случае не сочетаются с жизнью в демократическом обществе.

Так как в конечном итоге проблема лежит именно здесь: демократия — это не только особая форма политической организации и не только идеология, это — прежде всего определенный способ восприятия жизни и особое поведение. Так как если воспринимать демократию только как организационную структуру общества, то проблема отсутствует: пропаганда легко может к ней приспособиться. Аргумент очень прост: если пропаганда не связана с государством, не управляется из единого центра, значит она вполне себе демократична. Если она всего лишь идеология, то тем более нет проблем: пропаганда может распространять какую угодно идеологию (обладая инструментами, о которых мы уже говорили), например, республиканскую доктрину, как и любую другую. Но если демократия — это способ существования, подразумевающий толерантность, уважение к чужому мнению, умение осознанно делать выбор, здраво рассуждать и т.д. и т.п., тогда пропаганда, влияющая на интеллект, поведение и чувства человека, изменяя в корне его характер, делающая из него существо, которое не приспособлено к жизни в демократии, и сама не

может считаться демократической.

Короче говоря, пропаганда не способна «сформировать» демократическое поведение (мы привели тому несколько примеров), путем внедрения мифа о Демократии в общественное сознание, а это — единственный способ вести пропаганду, предназначенную для внешнего потребления, но надо иметь в виду, что параллельно происходит трансформация поведения людей внутри. Мы столкнемся с этой проблемой в следующей главе, где рассмотрим последствия внутренней пропаганды.

Последствия внутренней пропаганды

В предыдущих главах мы уже рассказали о том, как и почему пропаганда при демократии неизбежно становится необходимостью во внутренней жизни общества. И власть при этом рано или поздно будет вынуждена сформулировать официальную истину. Здесь и возникает наибольшая опасность. Если власть не желает этого делать, чтобы не уронить свой авторитет, ей все равно придется к этому прийти, выполняя функцию информирования.

Мы уже видели, при каких обстоятельствах высокий уровень информирования в обществе неизбежно приводит к необходимости камуфлировать истину с помощью пропаганды. И демократическим режимам это свойственно в большей мере, чем любым другим. Население воспринимает информацию при условии, что она укладывается в понятные схемы и обычные представления, что она затрагивает не только разум, но и ложится «на сердце», возбуждает жизненные силы, т.е. оно настоятельно требует пропаганды: но если власть не хочет предоставить какой-нибудь партии право все объяснить (т.е. претендует на знание истины), она должна сама заняться пропагандой. Вот потому демократическое государство на основании того лишь факта, что имеет доступ к информации и средства информирования, в обязательном порядке является пропагандистским государством, даже если это не соответствует его намерениям, а это в свою очередь подразумевает глубокие конституциональные и идеологические изменения его парадигмы. Таким образом, власть отныне обязана предоставлять обществу официальную, обобщенную и объяснимую истину, что означает, что оно уже не может себе позволить быть объективным или либеральным: оно теперь обязано предоставлять своему достаточно хорошо информированному обществу своего рода свод прописных истин, чтобы исключить возможность конкуренции, так как, взяв на вооружение такой инструмент как пропаганда, она не имеет права ошибаться, иначе станет посмешищем для своего народа, и тогда ее пропаганда падет вместе с ее информацией. Информация воспринимается как достоверная только тогда, когда народ верит в пропаганду.

Эта истина должна быть общепризнанной. Так как факты, события, объекты информации в обобщенном значении становятся все сложнее, охватывают все сферы жизни, то и система, которая их организует, тоже должна покрывать жизненную деятельность во всех ее проявлениях. Эта система должна стать глобальным ответом на множество проблем, которые непременно возникают в головах хорошо информированных граждан. По необходимости она становится поливалентной и глобальной: по определению она не может быть ни философией, ни метафизикой, так как философия и метафизика — удел

меньшинства. Чтобы дать определение этой системе мы напомним старое примитивное понятие: этиологический миф. То есть в реальности пропаганда, опирающаяся на информацию в демократическом государстве, если она желает устранить причину волнений у своих граждан, должна им предложить этиологический миф.

Конечно, и без этого можно было бы обойтись, если граждане этой системы заняты на производстве три-четыре часа в день, а остальное время, т.е. ежедневно по четыре часа, могли бы заниматься размышлениями, изучать искусство, тратить время на личное образование и самосовершенствование, если бы все граждане имели бы уровень образования как у университетского профессора, если бы общество было бы сбалансировано и не имело бы опасений насчет будущего, если бы моральные устои этого общества преобладали бы над страстями и эгоизмом граждан. Если эти условия соблюсти невозможно, а также если учесть, что информация имеет тенденцию распространяться с огромной скоростью, мы просто обязаны найти ответы на все вопросы современности *hic et nunc*, то есть успевать парировать все удары как в боксе.

Но создание этиологического мифа заставляет демократию стать верованием. Она не может оставаться светской доктриной, она должна создать свою религию. К тому же создание религии для пропаганды — инструмент, чтобы стать эффективной. Совершенно неважно, каким будет содержание этой религии, главное — удовлетворить религиозное чувство масс, которое станет проводником этой веры и внедрит его в коллективное сознание нации. Не нужно прельщаться такими словами, как «массовая демократия» или «всеобщее демократическое движение», это всего лишь камуфляж, чтобы не смущать общество словом «религия». Конформизм и единодушие всегда были признаками религиозного общества и только его. Так мы возвращаемся, только уже с другой стороны, к проблеме нетерпимости и искоренения меньшинства⁵⁹.

С другой стороны, и чем дальше, тем больше демократия рассматривается в меньшей степени как структура политического устройства, если смотреть со стороны, а в большей степени как глобальная концепция общества с точки зрения поведения его членов. Эта концепция, этот *Way of Life*, связан, разумеется, с проведением политики на демократизацию общества. Нужны определенные человеческие качества для всех членов этого общества, чтобы демократия могла существовать. С этой точки зрения становится понятным, почему для демократии так важно сохранить это благо, которое представляет для нее и повод к существованию, и возможность существовать. Необходимо, чтобы власть поддерживала этот *way of life*, без которого демократия невозможна. Поэтому нет ничего противоречивого и необъяснимого в том, что американские военнопленные, которые были возвращены в Америку из Кореи, некоторое время находились на карантине, где к ним применяли психологическое лечение, чтобы очистить их мозги от коммунистических идей, что промывание мозгов, осуществляемое в Китае, это ответ на промывание мозгов, осуществляемое американцами, чтобы сделать своих людей вновь приспособленными к жизни в своем американском обществе в соответствии с *american way of life*. Но что останется от человека после всего этого? Понятно, почему демократия стремится контролировать психическое и ментальное состояние людей, которые ей служат, в соответствии с понятием о *Security Risk* (о национальной безопасности). У функционеров не должно быть криминального прошлого, их моральный облик должен быть безупречен, они

не должны употреблять горячительных напитков, им следует воздерживаться от наркотиков и т.д. и т.п.: становится очевидным, какое огромное расстояние должен преодолеть гражданин демократического общества, чтобы стать воплощением этих добродетелей, тогда становится ясно, откуда такой жесткий контроль и откуда массовое обучение с помощью пропаганды, чтобы приучить всех к демократическому образу жизни. Добродетели гражданского общества, к которому нас приучают СМИ, станут гарантией вечной жизни демократии. Но что тогда останется от свободы?

Я всего лишь хотел привлечь внимание к другому факту, буквально в двух словах: в своем исследовании «Техники» я постарался доказать, что технические инструменты сами по себе имеют вес и могут сами изменять структуру⁶⁰. Я задам всего один вопрос: какими будут последствия для демократии, если использовать телевидение как средства пропаганды?

Рассмотрим последствия первого порядка: ТВ приближает нас к прямой демократии. Депутаты, министры, — теперь мы их знаем в лицо, мы знаем, что и как они говорят, они стали тем самым ближе к избирателям. ТВ позволяет растянуть политический контакт на более долгий срок, чем длится избирательная кампания, каждый день информировать зрителей о том, что происходит во власти. Даже более того, телевидение могло бы стать средством контроля над депутатами: избиратель, он же и телезритель, мог бы увидеть, каким образом его представитель использует выданный ему мандат. Некоторые исследования, проведенные в США, доказывают, что пока заседания Парламента транслировались по телевидению, они были более глубокими, серьезными и эффективными, а депутаты, зная, что на них смотрят избиратели, старались лучше исполнять свои функции. Но не нужно возлагать на это слишком большие надежды⁶¹, так как маловероятно, что Парламенты согласятся с такой формой контроля со стороны своих избирателей, а в связи с тем, что телевидение находится в руках государства ... На самом деле государственные чиновники хотят использовать телевидение для пропаганды своих идей и этим ограничиться. Хотя, судя по всему, именно телевидение обеспечило победу Айка (Ike) над Стивенсоном (Stevenson), консерваторов над лейбористами⁶². Проблема кроется в финансовых возможностях прежде всего, а кроме того — в техническом обеспечении высокого уровня. Когда для пропаганды демократических идей используется телевидение, есть большой риск повредить репутации самой демократии.

Что такого демократия может использовать для своей пропаганды по телевидению? Оно для этого не слишком подходит. До этого технические приспособления, используемые для пропаганды, находились в соответствии с демократической деятельностью: демократы любят говорить, всю свою жизнь они излагают идеи словами (я говорю это без всякой иронии, так как считаю, что риторика, речь в высоком смысле слова — самый удобный способ для человека выражать свои чувства). Такие инструменты пропаганды, как радио и печатная пресса, более всего подходят для трансляции мысли с помощью слов.

Мы же знаем, что пропаганда демократии с помощью кино слаба⁶³. Визуальные образы демократии неубедительны. Церемония открытия Вечного огня у Триумфальной Арки в Париже, бесспорно, одна из самых удачных, не имеет прямого отношения к пропаганде, хотя представляет собой весьма зрелищное мероприятие. Пока еще демократия в своем стремлении использовать кино в целях пропаганды не нашла ничего лучше военных

парадов. Но их нельзя использовать по поводу и без. Что для пропаганды может быть полезно в телевидении: многократное повторение и разнообразие форм представления. Но не стоит переживать из-за того, что телевидение в настоящий момент не представляет интереса для пропаганды демократии, ведь кино все еще является вторичным орудием, пропуская вперед прессу и радио. Но не стоит недооценивать его в будущем, так как благодаря своей способности за мгновение мобилизовать индивидуума, не потребовав от него для этого ни малейших усилий, оно со временем обязательно станет основным. Оно, также как и радио, настигнет его повсюду, у него дома, в его обычном окружении, вторгнется в его личную жизнь, не спросив разрешения и не потребовав а priori никаких усилий по перемещению. Оно поглощает его целиком, не оставляя возможности заниматься другим делом, не позволяя думать ни о чем другом (в то время, как радио оставляет незанятым какую-то часть сознания индивида). Еще у телевидения есть способность шокировать зрителя демонстрацией визуального ряда, что производит неизмеримо большее впечатление, чем звук. Именно для того, чтобы использовать такое потрясающее свойство телевидения, нужно обязательно иметь что-то, чтобы показывать. Депутат, произносящий речи с трибуны, - в этом нет ничего зрелищного. Пока телевидение не нашло ничего более впечатляющего, чем трансляции парадов с Диктатором. Если оно не хочет отстать в этой области, - то, что стало бы непростительной ошибкой⁶⁴, - надо обязательно найти для пропаганды демократии какой-нибудь захватывающий сюжет. Пока нет ничего, кроме торжественных церемоний, массовых демонстраций, гитлерюгенда или комсомола, демонстрации крупных строек, где нам показывают, как югославский народ с энтузиазмом возводит плотину или сооружает университетский городок. Рано или поздно демократии тоже придется научиться использовать телевидение для пропаганды, хотя она очень мало приспособлена к этому.

Теперь мы подошли к самой важной проблеме. Ранее мы уже говорили о том, какой трансформации подвергается психика человека, если он долгое время находится под влиянием интенсивной пропаганды. Обсуждая ситуацию, когда на индивидуума действуют одновременно две разнонаправленные пропаганды, противоречащие одна другой, мы доказали, что это ни в коем случае не решает проблему «в пользу демократии», т.к. человек не может принять объективное решение, выбирая между двумя внешними источниками воздействия. Он не зритель, стоящий перед двумя разными афишами и сравнивающий их, как независимый судья, чтобы отдать предпочтение более честной и убедительной. Представлять себе ситуацию в таком виде, значит идеализировать проблему. Человек постоянно находится под действием агрессивной пропаганды, которая льется на него со всех сторон, источники пропаганды из противоборствующих лагерей не соревнуются между собой, но оба хотят его подчинить себе, манипулируя его сознанием. Человеческая психика, подвергшись мощной психологической атаке, изменяется и деформируется до такой степени, что человеку больше ничего не нужно, кроме простого решения, жесткой команды, чувства уверенности и легкого различения на добро и зло, понимания, что происходит, и восстановления психики до прежнего целостного состояния. Он не может перенести двусмысленности, не может понять, кому можно верить. К двум разнонаправленным пропагандистским воздействиям примешивается желание предпочесть пассивное состояние или примкнуть без лишних размышлений неважно, к какой партии. Мы уже подробно говорили об этом.

Тем более поразительно наблюдать, как зарождается это явление, представляющее собой отправную точку любой тоталитарной партии, даже в Соединенных Штатах. Хотя следует признать антидемократическими и ту, и другую из вышеперечисленных индивидуальных реакций. Обидно сознавать, что они — результат воздействия пропаганды по типу демократической. Вот здесь кроется фундаментальная проблема. На самом деле пропаганда (любая пропаганда, но в особенности разнонаправленная) разрушает все, не только саму идею демократии, но все ее свойства, сам фундамент демократии, ее жизненную основу, без которой немислимо ее существование.

Речь не идет, однако, о том, чтобы совсем отказаться от пропаганды во имя свободы определения общественного мнения, которое, как нам известно, никогда не бывает девственным, ни во имя свободы личного мнения, которое формируется обо всем и ни о чем, но ради того, что гораздо глубже свидетельствует о реалиях демократии, а именно: ради того, чтобы обеспечить индивидууму свободу выбора и установления различий, что является характеристикой демократического общества.

Каким бы ни было содержание доктрины, распространяемой с помощью пропаганды, результат воздействия на психику будет практически одинаковым. Хотя мы упоминали о том, что некоторые идеи в большей степени, чем другие, приспособлены к пропагандистским способам распространения и вследствие этого их пропаганда более навязчива, более результативна; а другие (демократическая и республиканская идеологии, например) плохо адаптируются к средствам пропаганды, они их парализуют. Но общим для всех результатом является постепенное затухание, растворение идеи в пропаганде.

Но, с другой стороны, это не есть свойство распространяемой доктрины придавать пропаганде зловерный характер, это сам по себе инструмент глубоко разрушительный и нечестный, хотя он действует по-разному, в зависимости от того, распространяет ли он единственную систему взглядов или множество точек зрения.

Что же сказать по этому поводу? Может ли пропаганда распространять демократическую идею? Разумеется! Может ли она использоваться правительством или группой людей, избранных в результате всеобщих выборов? Разумеется! Меняется ли от этого структура власти? Очевидно! И это не гарантирует, что демократия от этого остается прежней. Можно, конечно, с помощью пропаганды распространять демократические идеи под видом кредо внутри мифа о демократии. Можно, конечно, благодаря пропаганде, привести граждан на избирательные участки и внушить им мысль о том, что они голосуют за своих избранных. Но если считать, что демократия соответствует определенному типу человека, неким конкретным индивидуальным характеристикам, присущим личности, то надо признать, что пропаганда разрушает смысл жизни при демократии, она разрушает ее основы. Она создает человека, пригодного для жизни в тоталитарном обществе, который чувствует себя уверенно только будучи растворенным в толпе, не способного критически оценивать вещи, не умеющего делать разумный выбор, свой, пусть даже отличный от других, сопоставлять и анализировать, видеть различия, потому что у него сформированы твердые взгляды обо всем, потому что он приравнен к множеству таких же, как он, и таким и хочет остаться навсегда.

С помощью пропаганды можно добиться практически всего, единственно, что невозможно создать с ее помощью, так это свободного человека, т.е. такого, кто хотя бы в какой-то степени соответствовал идеалу демократического общества. Человек, живущий в демократической стране, стоит ему попасть под влияние пропаганды, лишается всего того, что демократия предполагает, а именно: уметь слушать других, понимать чужое мнение, уважать меньшинства, пересматривать свои взгляды, не верить догмам. То самое средство, которое распространяет демократические идеи, делает человека психологически соответствующим тоталитарному режиму. Его единственное отличие от нациста заключается в том, что он представляет собой «тоталитарного человека с демократическими убеждениями», но эти убеждения никак не влияют на его поведение. Подобное противоречие не осознается самим индивидуумом, для которого демократия превратилась в миф, теперь его поведение подчиняется стимулам извне, которые приводят в действие механизмы условных рефлексов, а он-то при этом думает, что соответствует демократическим нормам. Само слово «демократия» для него теперь не более, чем один из этих стимулов, не имеющее ничего общего с первоначальным его значением. Гражданин может бесконечно повторять «священные мантры демократии», при этом действуя как эсэсовец.

Любая демократия, распространяющаяся в новой среде или пытающаяся сохранить свое влияние с помощью пропаганды, рано или поздно приведет к такому результату; а это означает, что успех демократической пропаганды заключается в отрицании самой себя как в индивидууме, так и в истине.

Неужели такое в самом деле может произойти?

Мы уже ранее говорили о том, что тот, кто не признает эффективность действия пропаганды на человека, неосознанно придерживается утверждения, что свободно мыслящая личность является неотъемлемой ценностью. Тот, кто признает, что пропаганда способна активно влиять на человека, по убеждениям является сторонником материалистических взглядов. Что касается нас, то мы бы с большим удовольствием предпочли, чтобы человек в современном мире не поддавался пропаганде, как было бы здорово, если бы она была бессильна перед личностью! К несчастью, события последних пятидесяти лет неумолимо доказывают, что это совсем не так. Нам даже кажется, что пытаться утверждать, что пропаганда не содержит в себе опасности для человека, на самом деле провокационна и вредна. Так как человек, будучи в полной уверенности, что она ему не угрожает или что он к ней невосприимчив, теряет бдительность, его воля и защитные механизмы сознания в значительной степени ослабевают. Зачем, в самом деле, тратить время и силы, чтобы разрушить коварные планы смешного тирана или участвовать в детских играх, затеваемых лукавыми пропагандистами? Стоит ли напрягать мозги, демонстрируя тонкость ума и трезвость рассудка, или упражняя твердость характера и высокие нравственные качества, чтобы сражаться с бумажным тигром; если пропагандистские пути сделаны из бумаги, то даже самый глупый сможет их избежать. Зачем подвергать испытаниям судьбу, выбирая наугад из того, что предлагает мне пропаганда, если я и без нее сделаю правильный выбор, тем более она ничего нового мне не предлагает? Ведь я разумный человек и она ничего не сможет изменить ни в моем сознании, ни в моем поведении. Такое отношение к пропаганде делает человека ее легкой добычей,

он не успевает даже понять, как это происходит, как становится послушной игрушкой в руках пропагандиста, увлекаемый сладкоречивым потоком убедительных слов, будучи уверенным в своей стойкой невосприимчивости.

Единственно серьезное решение проблемы (серьезное, потому что есть серьезная опасность разрушения личности, серьезное, потому что представляется исключительно надежным) заключается в том, чтобы предупредить человека о крайней степени эффективности орудия, направленного против него, заставить его выстроить защиту, осознав свою хрупкость и уязвимость, вместо того, чтобы убаюкивать его сладкими, но иллюзорными словами о том, что технологии пропаганды ничего не могут сделать с человеком, обладающим здравым смыслом и правильными убеждениями. Надо просто-напросто знать, что партия между добром и злом, между свободой и истиной, с одной стороны, и пропагандой — с другой еще не проиграна, но это может случиться в любой момент, так как на сегодняшний день пропаганда — самое грозное и разрушительное оружие всех держав, и всегда действует в одном направлении, какими бы благими намерениями и добрыми побуждениями не пытались объяснить ее те, кто ее применяет.

Версия #1

Зверобой создал 20 января 2026 00:50:22

Зверобой обновил 20 января 2026 00:50:38